

Алексей Левинский — выпускник Школы-студии при МХАТе имени А.П.Чехова. Играл на сценах театров Сатиры и имени М.Н.Ермоловой. Режиссурой начал заниматься в студенческие годы, с конца 70-х годов руководит студией "Театр", спектакли которой и по сей день остаются в центре внимания зрителей и критики. В ее составе в основном артисты-непрофессионалы, театр для них не место работы, а любимое дело. Быть может, поэтому студию можно рассматривать как своего рода школу мастерства. Тем более что Алексей Александрович имеет богатый преподавательский опыт, в том числе и за рубежом. Для Левинского участие в его спектаклях непрофессионалов — вещь принципиальная, ставшая одним из "кирпичей" созданной им студии.

Я ни разу не пожалел, что мои артисты не получили специального образования. В любом театральном институте обучение приближено к стандарту. Есть господствующая система, основанная на так или иначе понимаемой "системе Станиславского". Первый курс — этюды без слов, второй — со словами, третий — отрывки, четвер-

тый — готовый спектакль. С одной стороны — перед нами хорошо отлаженный механизм, но с другой — во всем этом есть очень вредные вещи. Главный недостаток — в замкнутости. За четыре года обучения на курсе возникает все та же "лестница" умения угадать вкус руководителя, найти свое место, чтобы тебя не выгнали, а еще лучше — получить

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСКИЙ:

Главное —

это возможность поступка...

Культура — 1997 —
29 марта — с. 6

главную роль. Это какая-то закрытая, в чем-то даже "провинциальная" среда, мало интересующая реальными поисками, в которой почти нет места эксперименту. В дипломе написано "артист драматического театра и кино", а не какого-то конкретного направления. Хотя, конечно, многое зависит от того, кто руководит курсом.

— Но у любительства может возникнуть и обратная сторона.

— Да, есть опасность замкнуться в каком-то своем "кружке". Тогда получится пародия на профессиональный театр, начнется все та же иерархия. В театре же со временем тоже появляется своеобразная рутина, начинаются разговоры типа: "что мне играть" к фигуре, а что нет". В игре же "на равных" заключается некое противоядие против этого, именно в силу того, что любители привносят в спектакль какой-то свой опыт, особую "пластику", манеру говорить, не приближенную к какому-либо стандарту. На Западе такое вообще принято. Это дает "воздух", позволяет театру не превратиться в кастовую среду.

— Как начиналась студия?

— Первые опыты я начал еще в школе-студии со своими однокурсниками, потом продолжил в Театре сатиры вне рабочего времени с теми, кому это было интересно. В основном, с актерами, только что окончившими институт, и со студентами эстрадного отделения циркового училища, где преподавала моя мама. Уже получилось какое-то смешение профессий, и это сочетание меня интересовало более всего. Такая группа долго существовала внутри Театра сатиры, но явных любителей там не было. Потом Роман Виктюк, зная мою ситуацию невозможности выхода на зрителя, пригласил нас в МГУ. Было заранее оговорено, что мы придем туда небольшой группой и будем работать. И в "Гамлете" профессионалы с любителями существовали уже "на равных". Это был 1978 год, который я считаю годом рождения студии "Театр".

— Кто дал ей такое название?

— Это получилось случайно. Долго мы вообще никак не назывались. Когда состоялся первый фестиваль театров-студий в Лефортове, кто-то предложил это название, в котором на самом деле заключен двойной смысл. Во-первых, здесь есть "игра наоборот" — у всех театр-студия, а у нас студия "Театр". А во-вторых, "Театр" здесь с большой буквы и в кавычках, и это очень связано с моими личными поисками сущности явления. И спектакли студии — не определенные истории, а всегда "театр про театр".

— Такая "установка" помогает, наверное, решать в какой-то степени и просветительские задачи.

— Мы всегда ориентировались на традиции "комедии дель арте", наследие Мейерхольда, Бехтина, Брехта, Шекспира. Наши спектакли — помимо открытия новых драматических произведений и освоения незнакомых сценических приемов — это еще и попытки найти этому всему какой-то объединяющий стержень.

— Не было ли у вас попытки стать профессиональным театром?

— Мы какое-то время помучились и поняли, что профессионализироваться сможем только ценой начинания с самого начала. Сам способ нашей работы иной, он не годится для театра. Он нас никогда не интересовал с точки зрения предприятия. Каждый спектакль — событие. Мы работаем ради процесса, похожего на добровольный поступок каждого из нас. И для тех, кто приходит в зрительный зал, — это тоже поступок. Для меня студия — особая пища, которую я не получаю в профессиональном театре. Моя основная профессия — актер, режиссурой я получил возможность всерьез заниматься только в студии. Даже когда стал ставить в театре, студия все равно остается чем-то особым. Так же, как и для всех, кто со мной работает, — основная их работа где-то там, а студия — то, чем они занимаются в свободное время. Наше главное преимущество в том, что мы никогда за это не получали денег.

— Как же вам удается выжить?

— Сложно. С годами собралась своя труппа, сложился репертуар. Иногда нам было негде репетировать. Да трудно и работать над спектаклем целый год, а сыграть его два раза на публике. Все-таки хочется пройти определенный этап на публике. И мы решили, что студия станет своеобразной антрепризой: и сегодня — это три спектакля "Клоуны", "Дисморфомания" и "Гувернер", и группа людей, с которыми я ставлю очередной спектакль.

— В последнее время своеобразную "гуманитарную помощь" вам оказал Юрий Погребничко, который безвозмездно предоставил студии малую сцену своего театра.

— Мы ему очень благодарны. Его театр в чем-то похож на наш. Это некая "мастерская", в которой главное — единство, "притертость" друг к другу. Мне кажется, что его стремление ставить одни и те же пьесы — не "зачехленность" от всего нового, а верность своему выбору. Погребничко не "беспокоится" куда-то успеть, и это вызывает лично у меня какое-то ответное движение души.

— Но когда люди столько лет вместе, то неизбежно может появиться опасность возникновения некой секты.

— Недавно в "Независимой газете" я прочитал интервью с Олегом Ефремовым. Он сказал, что из театров ему более других интересны Мастерская Фоменко и Малый драматический Льва Додина. Интересны прежде всего компании единомышленников, которая "тянет" в одну сторону. Мне кажется, что единомыслие — не "ключ", которым "открывается" любой "замок", а скорее — орудиное средство. В противном случае это действительно "банда" или "секта". Его нельзя переоценивать. Ведь в искусстве как раз важнее всего сочетание своей индивидуальности с общими интересами. И, когда это не совпадает, то рождается напряжение, которое и притягательно. Взаимные компромиссы надо учитывать. Да и публика должна считаться с ограничениями...

Беседу вел
Майя ФОЛКИНШТЕЙН